

Мелисса Дэйли
Молли
И КОШАЧЬЕ КАФЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Вел)-44
Д94

Melissa Daley
Molly and the Cat Cafe

Печатается с разрешения автора и литературного
агентства Diane Banks Associates Ltd.

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Дэйли, Мелисса.

Д94 Молли и кошачье кафе: роман / Мелисса Дэйли;
пер. с англ. Е. Мигуновой. – Москва: Издательство
АСТ, 2016. – 320 с. – (Подарок от Боба)

ISBN 978-5-17-098552-4

Трехцветная кошка Молли жила счастливо и беззаботно, но беда пришла, откуда не ждали. Но Молли решает взять судьбу в свои лапы и отправляется на поиски нового дома. Дебби, хозяйка маленького кафе, недавно переехала в другой город. Дела у нее идут не лучшим образом и ей очень одиноко. Счастливый случай сводит Дебби и Молли. Кошка и ее новая хозяйка начинают жизнь с чистого листа...

УДК 821.111(73)

ББК 84(4Вел)-44

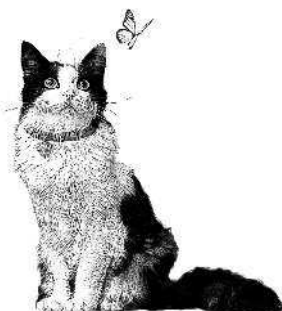
ISBN 978-5-17-098552-4

Copyright © Melissa Tredinnick, 2015
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается Сьюз и Луи

*Часто за успешной женщиной
стоит весьма одаренная кошка*

Неизвестный автор

1

Мало что из раннего детства осталось у меня в памяти, но стоит только прикрыть глаза, и я живо вспоминаю радость, которая вспыхнула на лице Марджери, когда я — мяукающий комочек шерсти — впервые очутилась у нее на коленях.

— Ах ты, это кто же? — ласково спросила она, когда я подняла на нее глаза, которые совсем недавно открылись.

Подруга Марджери ответила:

— Эта кроха — Молли. Ей восемь недель от роду. Мама у нее была бездомная. Остальных котят из выводка уже разобрали по домам, а она осталась.

Сидя на коленях у Марджери, я украдкой рассматривала ее. Мягкая, нежная кожа, морщинки вокруг добрых глаз. Коротко стриженные серебристые волосы тщательно уложены и волнами обрамляют лицо. Но главное, чем тог-

да мне запомнилась Марджери — улыбкой. Благодаря ее улыбке я почувствовала себя очень-очень важной или, как говорила сама Марджери, такой, что «надо бы лучше, да некуда».

— Вот я и подумала, что тебе не помешает компания, — продолжала подруга. — Я знаю, тебе одиноко с тех пор, как не стало Малколма. Милая ласковая кошечка — прямо то, что доктор прописал.

— Знаешь, эта Молли... просто какое-то чудо в полосочку, — тихо отозвалась Марджери, и по ее голосу было совершенно ясно: она довольна.

Вот так все и решилось: Марджери стала моей хозяйкой. Она пощекотала мне подбородок, и я мурлыкнула, вначале робко, но стоило мне окончательно успокоиться, как мурлыканье перешло в громкое, непрерывное урчание. Марджери рассмеялась, удивляясь, что этакая «фитюлька» может наделать столько шума.

Шли месяцы, я превращалась из котенка в юную кошечку. Мы с Марджери отлично ладили и обожали друг друга. Марджери была рада, что теперь ей есть с кем поговорить и о ком позаботиться, а я получала удовольствие, купаясь в ее любви и ласке. Я была энергичным подростком, быстро росла и потому была вечно голодной, но казалось, что и мой неутолимый аппетит был для Марджери источником радости. Она покупала мне отборный кошачий

корм, да к тому же никогда не забывала поделиться со мной собственной едой: курицей, бараньей отбивной или славным кусочком лосося — что бы ни готовила Марджери, у нее всегда была отложена порция для Молли.

Дом Марджери быстро превратился в мои владения: я спала, где захочу, и делала все, что заблагорассудится. Жизнь была такой комфортной и уютной, что мне совершенно не хотелось исследовать мир за пределами дома. Из окна спальни я видела крыши домов, косогоры и луга, раскинувшиеся вдаль. Конечно, мне случалось выскакивать на улицу, но, откровенно говоря, поселок, в котором мы жили, не особо меня интересовал. Да и не было в нем ничего любопытного: вереница магазинов, церковь да парочка пабов. Я знала, что другим кошкам из поселка нравится охотиться на церковном дворе, но меня дома кормили досыта, так что на практике я свои охотничьи навыки почти не применяла.

Вы, наверное, думаете, что мне повезло, и я совершенно с вами согласна. О такой жизни, как у Марджери, любая кошка может только мечтать. А мне нравилось в ней решительно все. Но только до тех пор, пока у Марджери не начались странности.

— Поди-ка сюда, Молли, — шепнула однажды Марджери (мне в ту пору было не больше года). Она наклонилась, опираясь одной рукой на кухонный стол, и аккуратно поставила мою

миску на линолеум. Мурлыча в предвкушении — я успела проголодаться, терпеливо выжидая, пока Марджери, медленно передвигаясь по кухне, не закончит свою домашнюю рутину, предваряющую мой ужин, — я спрыгнула со стола. Но одного взгляда в мисочку хватило, чтобы понять: подтверждаются мои худшие опасения. Я недоверчиво принялась к ее содержимому в надежде, что вязкая желтоватая масса все же содержит хоть что-то подходящее для кошки, но ожидания быстро сменились разочарованием.

— Это же картофельное пюре, Молли, твое любимое, — подсказала Марджери, заметив мои колебания. Догадываясь, что мне ничего больше не перепадет, я осторожно лизнула то, что лежало в мисочке. Затем, преодолевая отвращение, наполнила рот. Я даже попыталась проглотить эту безвкусную, комковатую массу, но что-то твердое тут же встало поперек горла. Все мое тело свело судорогой, и то, что было у меня во рту, оказалось на линолеуме. Я присмотрелась. Это был неразмятый кусок полусырой картошки, жесткий и несъедобный. Уже не в первый раз за последние недели я подумала, что, возможно, мне придется все-таки выходить на вечернюю охоту, если я хочу наестся досыта.

Стараясь не обращать внимания на голодные спазмы в желудке, я взглянула на хозяйку, которая возилась у мойки. Что-то в ее бормо-

тании меня насторожило. Я давно привыкла к тому, как хозяйничает Марджери (на моей памяти она изо дня в день проделывала одни и те же действия в строгой последовательности), но сейчас я почувствовала в ее движениях неуверенность. Вот она тщательно вымыла кастрюлю и долго вытирала ее посудным полотенцем. Потом замерла, прижимая кастрюльку к груди, и начала беспокойно оглядывать кухню. Распахнула холодильник, пристроила посудину туда, но тут же вынула, досадливо мотнув головой. Потом принялась один за другим открывать кухонные шкафчики, и огорчилась, видя, что они все заняты бокалами или тарелками. Я понимала, что Марджери ведет себя необычно, прежде за ней такого не водилось, хотя, что греха таить, в последнее время подобные происшествия случались все чаще.

Забыв о миске с остывшим пюре, я подошла к шкафу, который хозяйка еще не проверяла. Встав рядом с дверцей, я уверенно взмахнула хвостом и громко мяукнула.

Марджери блуждала по кухне рассеянным взглядом. Мне пришлось еще несколько раз требовательно мяукнуть, чтобы привлечь ее внимание.

— Что такое, Молли? — в голосе хозяйки слышалось легкое раздражение.

Я энергично потерлась головой о дверцу шкафа в надежде, что она поймет, что я пытаюсь ей сказать.

Марджери помедлила и с минуту смотрела на меня отсутствующим взглядом, а потом нагнулась и потянула дверцу на себя.

— Ах, Молли, ты моя умница! — воскликнула она, обнаружив в шкафу аккуратные ряды кастрюль. Марджери водрузила кастрюльку на место и ласково погладила меня между ушей. Тронутая ее благодарностью, я замурлыкала, но тревога, с некоторых пор поселившаяся где-то в глубине моей души, не исчезла.

В последующие месяцы нам с Марджери не раз приходилось проделывать нечто подобное. У меня вошло в привычку внимательно следить за движениями хозяйки и быть начеку, если она собиралась сделать что-нибудь необычное — положить очки в морозилку или оставить ключи от дома на полочке в ванной. Когда Марджери впадала в отчаяние — а это неизбежно происходило в таких случаях, — я помогала ей восстановить привычный ход вещей, мяукая там, где находилась пропажа. Сначала я воспринимала это как нашу веселую игру и приходила в восторг от собственной наблюдательности, но со временем стала замечать, что моей хозяйке она не доставляет такого же удовольствия. Наоборот, Марджери огорчалась и раздражалась, браня себя за глупость.

В нашей жизни как будто ничего не изменилось. Марджери все так же хлопотала по хозяйству, наводила порядок, вытирала пыль, а

я дремала на диване. Я помогала ей решать кроссворды: сидела рядом и ловила лапой ручку, пока хозяйка заполняла пустые квадратики. Но улыбка все реже и реже появлялась на ее лице, а иной раз я обнаруживала, что она сидит в кресле и плачет, отвернувшись к окну. Я изо всех сил старалась ее утешить, терлась о ее щеку, мурлыча во весь голос, но догадывалась: что-то идет не так, и не в моих силах это исправить.

Провалы в памяти, недоумение и растерянность, тревоги, потерянные чековые книжки и поиски ключей, положенных не на свое место. Поначалу это случалось от случая к случаю, потом стало повторяться все чаще, пока, наконец, не стало обычным делом. Не помогала даже моя наблюдательность — Марджери, казалось, теряла контроль над обычными, повседневными вещами, которые составляли основу ее жизни. Нашей жизни.

В тот день, поставив чистую кастрюлю в нужный шкаф, Марджери прошла в гостиную и включила телевизор. Мне бы следовало свернуться рядышком, и мы — два друга, которым не нужны слова, — скоротали бы вечер вместе, но я была голодна и по опыту знала: не стоит надеяться, что Марджери вспомнит обо мне и покормит. Я презрительно фыркнула на холодное пюре, глыбой застывшее в моей мисочке, выскользнула в кошачью дверцу и отправилась ловить грызунов к ужину.

Домой я в тот вечер вернулась поздно, Марджери уже легла. Я по своему обыкновению обошла перед сном весь дом, проверяя, все ли окна закрыты, заперта ли входная дверь и не забыла ли хозяйка выключить плиту. Убедившись, что дом в порядке и можно спать спокойно, я свернулась калачиком на диване и сладко уснула.

Утром я умывалась на подоконнике в гостиной, прислушиваясь, как наверху, в спальне, медленно передвигается моя хозяйка, одеваясь и причесываясь. Я очень надеялась, что сегодня у нас с Марджери выдастся хороший денек — она не будет то и дело ударяться в плач и не забудет предложить мне завтрак. Услыхав осторожные шаги на лестнице, я спрыгнула с подоконника.

Чтобы убедиться, что моя хозяйка смогла успешно преодолеть поворот в конце лестничного марша, я выбежала из гостиной, держа хвост трубой. Радостно курлыкнув: «Привет!», я потерлась о ее ноги.

— Ах! — воскликнула Марджери.

В ответ я замурыкала.

— Ты кто? — спросила она. Я подняла глаза и увидела на лице у Марджери привычную растерянность. Она недоуменно хмурила брови.

Я мяукнула ей в ответ. «Я же Молли, — пыталась сказать я. — Твоя кошка!»

Марджери склонила голову набок, озадаченно рассматривая. Мне ужасно хотелось, чтобы

она узнала меня, назвала по имени, и со смехом уверила, что никогда больше не забудет, кто я такая.

— Ты, видно, забежала с улицы, кисонька? Тебе нужно домой. Хозяева, должно быть, сбились с ног, разыскивая тебя.

Марджери подошла к двери, взяла ключи — накануне вечером я проследила, чтобы они заняли свое место на полке. Затем неторопливо отперла замок и, повозившись с цепочкой, распахнула дверь настежь. Потом хозяйка улыбнулась мне, явно ожидая, что я обрадуюсь свободе. А я, подергивая хвостом, замерла на коврик в прихожей.

— Ну, что же ты, иди. Ступай домой, пока не проголодалась.

У меня отчаянно защипало в глазах. Меня частенько сбивало с толку и раздражало то, что Марджери все путает, но стоило лишь увидеть огорчение на ее лице, как мое сердце сжималось от жалости к ней. Но еще никогда мне не было так больно, как сейчас. Она не узнавала меня. Я смотрела ей в глаза и видела не любовь, а лишь непонимание. Как же было горько чувствовать себя чужой в собственном доме!

Мне не хотелось, чтобы Марджери видела, как я страдаю, поэтому я отвернулась и, понурив голову, поплелась к двери.